

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXVII Международной научной конференции
(26–28 октября 2016 г.)**

*Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор С.К. Гураль*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

Литература

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 421 с.
2. Аликаев Р.С., Бредихин С.Н. «Схемы действия» как маркер дискурсивности научного текста: формальная логика vs. герменевтика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 2. С. 121–127.
3. Hoffmann L. Fachsprachen: ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1998. 1368 S.
4. Behrman N. Technische Wissen aus Patenten: Eine empirische Untersuchung auf der Grundlage von Ansätzen des Wissensmanagements. Bamberg, 1998. 267 S.
5. Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. М.: Р. Валент, 2006. 508 с.
6. Мошкочич В.В. Адекватность и эквивалентность как основополагающие критерии оценки качества перевода: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 203 с.
7. Федоров С.В. Особенности перевода патентных заявок // Патентный поверенный. 2012. № 5. С. 24–28.

А.В. Васильев, Ю.А. Кардо

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Процесс перевода – сложный творческий процесс, который затрагивает многие области человеческих знаний, что зачастую является дополнительной трудностью на пути к достижению целей коммуникации с использованием нескольких языков [1].

При осуществлении перевода следует ориентироваться на лингвистические структуры, семантический анализ и теорию информации, но при этом не забывать о том, что перевод – это нечто большее, чем просто наука. В обществах, где используются так называемые языки международного общения, существует несколько лексических пластов и уровней восприятия речи. Это означает, что в данном случае потребуется несколько разноуровневых переводов с различной терминологией и грамматическими структурами, чтобы предоставить равные возможности для всех людей понять содержание сообщения. Многие слова «обладают полисемантичностью, что ведет к некоторым трудностям и пониманию данных единиц только через контекст» [2].

Часто идут споры о том, являются ли определенные слова непереводаемыми. Время от времени составляются перечни таких слов. Часто в эти списки включается португальское слово (встречающееся также и в испанском) “saudade”, слово, которое обычный словарь перевёл бы как «ностальгия», являющееся примером сложно переводимого слова. Оно переводится буквально как «горестное стремление» или «печальная жажда», но имеет некоторые нюансы, которые сложно включить в перевод: это слово имеет позитивную оценку, что представляет собой тонкость, теряющуюся в переводе.

С понятием эквивалентности неизбежно рядом стоит проблема безэквивалентной или непереводаемой лексики, то есть такой, для которой нет аналога в другом языке. В качестве этой самой лексики русскоязычные знатоки обычно приводят что-нибудь вроде «души», «тоски», «интеллигентности» или «пошлости». Как легко заметить, все эти слова обозначают некоторые абстрактные понятия, которые нелегко сформулировать даже на родном русском, ибо каждый понимает под «интеллигентностью», скажем, что-то сугубо свое: один – стремление прожить жизнь, сообразуясь с совестью, другой – возможность всю жизнь ничего не делать, занимаясь исключительно размышлениями о судьбах мира.

Лингвисты, разумеется, увлечённо изучают загадочные слова с локальными оттенками и зачастую называют их «непереводаемыми», но в действительности слова с такой культурной

окраской переводятся наиболее легко – даже легче, чем такие универсальные понятия, как «мама». Это объясняется тем, что существует определённая переводческая практика сохранения таких слов в переводящем языке; в этих целях можно прибегать к заимствованию слова, если его еще нет в языке перевода. Так, к примеру, в меню французского ресторана в Англии будет скорее написано

“Pâté de foie gras”, чем “Fat liver paste”, несмотря на то что это было бы удачным эквивалентом. Всё же вместо этого в большинстве случаев по-английски будет написано “foie gras pâté”».

Компонентная эквивалентность используется переводчиками и в тех случаях, когда делаются синтаксические преобразования на уровне предложения.

Например:

«Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

Surely, if the stars are lit
there's somebody who longs for them,
somebody who wants them to shine a bit,
somebody who calls it, that wee speck
of spittle, a gem?

Другой пример:

Listen,
if stars are lit
it means – there is someone who needs it.
It means – someone wants them to be,
that someone deems those specks of spit
magnificent» [3].

Национально специфические обозначения реалий в любом языке могут быть распределены по тематическим областям с последующим выделением в каждой из них более мелких лексико-грамматических групп. Перечень лексики этого типа очень велик как в области названий феноменов природы, так и в области материальных артефактов конкретной культуры. Многие блюда традиционно связаны с национальными праздниками. Например, русские блины предполагают рассказ о масленице, а она, в свою очередь, – знакомство с языческими истоками русской культуры [4].

Чем более ощутима специфическая культурная окраска слова, тем легче его переводить. Например, название какого-нибудь малоизвестного населенного пункта, такого как “Eugoa” в Австралии, и передается как “Eugoa” на любом языке с письменностью на основе латинского алфавита, но иногда нужно учитывать и другие варианты: “Saragossa” (город в Испании) может передаваться как “Zaragoza”, “Saragosse” и т. д. Еще один пример: Китай на английском передается как “China”, но иначе на других языках: “Cina”, “Chine” и т. д.

Также оказываются важными различные степени точности. Что может означать английское слово “there” («там» в разных значениях)? На испанский язык слово “there” можно перевести как “ahí”, но при этом подразумевается, что предмет находится не очень далеко; если предмет находится достаточно далеко, то носитель испанского языка употребит слово “allí”, если только слово не подразумевает указания «вон там». Тогда от испанца можно ожидать слова “allá”. Все наоборот в разговорном французском языке: все три испанских слова, обозначающие «там», и понятие «здесь» всё чаще выражаются в слове “là”. Но как тогда определить, где находится предмет?

В одном языке могут существовать такие понятия, которые не существуют в другом. Например, оба французских слова “tutoyer” и “vouvoyer” можно перевести на английский как

“to address as “you”” (называть на «ты»), так как английское местоимение второго лица с неофициальным оттенком (thou) является устаревшим. (С другой стороны, в зависимости от контекста значение французского слова “tutoyer” или испанского “tutear” может переводиться на английский как “to be on first-name terms with” («быть с кем-либо на ты», «хорошо знать кого-либо»)).

В итоге, правильный семантический перевод требует от переводчика умения «адекватно понимать разные типы дискурса в зависимости от определенной ситуации общения, коммуникативные цели, установки, социальные роли коммуникантов, а также умение порождать высказывания, приемлемые в конкретной ситуации речевого общения» [5].

Литература

1. Митчелл П.Д., Сысуев В.А. Способы достижения переводческой эквивалентности при переводе военных документов (на примере китайского языка) // Индустрия перевода. 2014. Т. 1. С. 55–59.
2. Митчелл П.Д., Маругина Н.И. Проблема перевода русских и английских академических терминов (из опыта работы центра перевода фия ТГУ) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 53–58.
3. Кульшарипова С.Р. О семантической эквивалентности переводов Владимира Маяковского на английский и французский языки // Вестник Башкирского университета. 2013. № 4. С. 1197–1200.
4. Бакурова, Е.Н. Регионально окрашенная лексика как средство передачи фактов культуры региона на иностранном языке // Rhema. Рема. 2010. № 4. С. 69–74.
5. Митчелл Л.А., Шильнов А.Г. Дискурс как основа формирования грамматических навыков // Язык и культура. 2014. № 2 (26). С. 146–150.

В.В. Вороной, С.С. Загайнов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ИСТОРИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На протяжении своей истории Российская армия претерпевала множество реформ. Среди наиболее значительных отечественные историки называют военные реформы Ивана IV (1550–1571), Петра I (1698–1721), Д. А. Милютина (1862–1874), реформы 1905–1912 годов, военную реформу в СССР (1924–1925). Реформирование армии проходило под влиянием меняющихся исторических, политических, экономических, социальных условий. Все эти обстоятельства накладывали отпечаток на формирование, изменение и развитие военной терминологии [1]. В этом докладе рассказывается об основных периодах заимствования военных терминов в русский язык и приводятся несколько примеров к каждому из периодов.

В данной статье рассматриваются несколько периодов истории России, в течение которых наиболее активно происходил лингвистический процесс заимствования терминов, относящихся к военной сфере.

На вооружении древнерусских воинов были простейшие орудия боя, большинство из которых имели исконно русское происхождение. Среди терминов, связанных с военным делом в Древней Руси, можно найти не только слова славянских корней, но и слова тюркского происхождения. Это обусловлено татаро-монгольским нашествием и продолжительными военными контактами с Золотой Ордой. За 300 лет военных отношений с монголами русское войско переняло множество терминов и понятий.

Меч – колющее и рубящее оружие в виде обоюдоострого прямого клинка с рукояткой. Слово происходит от праславянского *mešь*. Также существуют версии о происхождении от латинского *maesto* «убить, зарезать» и от тюркского *māš* [2].